

Н.П. Шмелев
академик, директор
Института Европы РАН

**Некоторые ключевые российские вопросы, ответа на которые
пока нет.**

В дискуссии о перспективах российской экономики, о возможностях относительно быстрого преодоления системного кризиса, поразившего страну, проблема сегодня нередко ставится в плоскости «или – или»: или рост – или развитие, т.е. или ускоренные темпы возрастания ВВП, или глубинные преобразования, позволяющие надеяться, что с течением времени Россия вновь займет подобающее ей место одного из ведущих политических и экономических центров современного мира.

Противопоставление это, надо сказать, отнюдь не надуманное. Жизнь показала, что рост вообще-то может быть и без развития, в основном за счет каких-то временных, особо благоприятных факторов: например, резкой девальвации национальной валюты, оживления международной конъюнктуры и заметного роста мировых цен на основные товары отечественного экспорта, увеличения государственного заказа (в т.ч. в оборонных отраслях), экстренных мер по расшивке искусственно образовавшихся «узких мест» в экономике, в частности, пресловутого «кризиса неплатежей», неожиданно удачного урожая, и пр. Очевидно однако, что подобный рост без создания внутренних, органичных и постоянно действующих стимулов к его поддержанию не может быть надежной основой для решения сложнейших социально-экономических задач, которые стоят ныне перед страной. В силу временности (а то и вовсе одноразовости) действия таких факторов рост без развития по самой природе своей тоже является временным и никаких гарантий от возможного последующего падения темпов не дает.

Можно понять нашего Президента, когда он выражает свою неудовлетворенность чересчур уж «неамбициозными» экономическими планами правительства. У всех перед глазами пример, скажем, Китая, который уже 25 лет подряд обеспечивает темпы прироста ВВП в среднем на уровне 10 % в год. И Китай в этом отношении отнюдь в мире не одинок. Но можно понять и осторожный подход ответственных

правительственных лиц: прежде всего пока еще не видно ни в России, ни вне ее необходимых для серьезного экономического рывка инвестиционных ресурсов. Не ощущается в стране и той социальной энергии, высокого «жизненного тонуса», которые позволяли бы надеяться на скорый и устойчивый перелом в темпах экономического роста и, соответственно, более или менее быстрое если не решение, то хотя бы смягчение ее острейших социальных проблем.

Правительство России приняло недавно так называемую среднесрочную программу действий, которая ставит своей целью достижение во второй половине текущего десятилетия ежегодного прироста ВВП порядка 6 %. Программа достаточно логичная (если, конечно, оставаться на нынешних позициях правительства), по-своему законченная и, несомненно, вполне профессиональная. Действительно, кто будет возражать против таких руководящих идей программы, как необходимость снижения налогового бремени на экономику, перенос центра тяжести в стратегии роста с экспортно-ориентированных сырьевых отраслей на высокотехнологичный сектор, создание в экономике конкурентной среды, ослабление многоуровневого административного диктата, парализующего предпринимательскую активность, дальнейшее «открытие» российской экономики и активное включение ее в международную экономическую жизнь, и т.д.

И тем не менее эта программа никак не может, думается, удовлетворить российское общество. Не может не столько потому, что в ней много спорного, а потому, что на главные стратегические вопросы российской экономики, по необходимости выходящие за горизонты ближайшего десятилетия, она ответа не дает. Более того, она по сути дела эти вопросы и не ставит.

Динамика социально-экономического прогресса не может быть, как известно, ни объяснена, ни тем более обеспечена только количественными факторами при всей их безусловной значимости. Устойчивый, без постоянной угрозы отката назад рост, или, по-другому, развитие, впрямую (хотя и отнюдь не линейно) зависит от жизнедеятельности тех или иных основополагающих блоков всего общественного организма в их взаимосвязи, от всей цепи общественных отношений, будь то административно-политическое устройство страны,

или ее морально-нравственный климат, или ее социальное состояние, или изменения в главных «узлах» ее экономического механизма.

Под подобным углом зрения нам в первую очередь необходимо иметь ясный и недвусмысленный ответ на ряд серьезнейших вопросов, во многом, считаю, искусственно отодвинутых на задний план в нынешней общественной дискуссии. Вполне готов признать, что все эти вопросы банальны, не новы и общеизвестны. И тем не менее ответа на них российское общество не знает до сих пор, и в стратегических планах наших властей они пока никакого ясного отражения не нашли. Ниже делается попытка выделить наиболее важные из них, хотя какой вопрос по значению первый, какой последний – это, конечно, дело сугубо личных предпочтений. И никакой твердой иерархии здесь, наверное, не может, да и не должно быть.

Вопрос первый: нужен ли нынешней России «второй раунд» бесплатной по существу приватизации? Ведь неделеной осталась еще значительная часть собственности, которую мы привыкли называть «общенародной»: электроэнергетика, система газо и нефтеснабжения, железные дороги, автомагистрали, порты, многие оборонные предприятия, коммуникации, связь, почта и телеграф, жилищно-коммунальное хозяйство, здания и сооружения, лесные и водные ресурсы, земля и ее недра – много чего еще можно поделить! То, что подобная приватизация будет полностью или почти полностью бесплатной и российское общество в целом, как и в «первом раунде», не получит от нее ничего или почти ничего – это очевидно. В сложившихся условиях «рыночная» цена российских активов (в первую очередь благодаря их искусственно низкой прибыльности и массовому легальному или нелегальному переводу доходов новых собственников за рубеж) занижена против их действительной стоимости в 20–60 раз. И потенциальным их новым владельцам эти активы достанутся, конечно, вряд ли дороже, чем за 1,5 – 5% их справедливой цены.

Эта огромная собственность, пусть и не максимально эффективно, но достаточно надежно продолжает еще работать, она обеспечивает устойчивость всей необходимой обществу экономической инфраструктуры. Конечно, все понимают, что государство – не лучший хозяин. И тем не менее в нынешней взбаламученной России электричество все-таки худо-

бедно бежит, газ подается, трамваи ходят, вода течет, и поезда тоже ездят, и письма хоть и плохо, но доходят все же до адресата.

Так или иначе, но эта собственность сохраняет пока способность к своему простому, а во многих областях и расширенному воспроизводству. Выбивать из-под экономики эту более или менее твердую почву сегодня никак нельзя. Наверное, лет через двадцать-тридцать, когда российский частный собственник окрепнет и приучится работать по общепринятым, цивилизованным нормам и правилам, можно будет ставить вопрос о приватизации этого огромного массива нашей экономики. Но не сейчас, когда средняя общественная отдача от приватизации в России в десятки раз ниже, чем в большинстве развивающихся стран, не говоря уже о высокоразвитых государствах.

Не следует забывать, что приватизация экономической инфраструктуры в государствах, скажем, Европы началась после многих десятилетий или даже столетий эволюции рыночного хозяйства. Они создали и утвердили незыблемые гарантии собственности, эффективное антимонопольное законодательство, устойчивую конкурентную среду, они выработали надежные правила корпоративного поведения и приучили собственников играть по этим правилам, т.е. вести себя достойно при любых обстоятельствах. И лишь потом осторожно, очень дозированно перешли к приватизации, причем, как правило, по полной рыночной стоимости приватизируемых активов. Но даже и сейчас во Франции, например, электроэнергетика почти полностью остается в руках государства. Во многих европейских странах железные дороги и сегодня принадлежат государству. И это отнюдь не мешает рынку.

Не торопитесь в этом деле и Китай. Двадцать лет, как минимум, Китай потратил на то, чтобы оживить страну, воссоздать в ее экономике полнокровный рынок, пробудить творческую, предпринимательскую энергию населения. И только после этого страна приступила к перестройке тяжелой промышленности и экономической инфраструктуры – акционированию предприятий, приватизации, модернизации и закрытию нерентабельных промышленных монстров. И никаких разговоров о целесообразности приватизации, скажем, электроэнергетики, или железных дорог, или почты-телеграфа в Китае пока даже не слышно.

Так зачем нам, спрашивается, суетиться, лихорадочно ломать то, что пока еще вполне жизнеспособно, рисковать без нужды там, где рисковать ни в коем случае нельзя, если, конечно, думать не о корыстных интересах отдельных личностей или каких-то кланов, а о судьбах страны? Мы еще далеко не «переварили» результаты «первого раунда» приватизации, не ощутили сколько-нибудь заметно ее плодотворность и эффективность, а уже замахиваемся на следующий ее раунд. И думает ли сегодня кто-нибудь о том, что в конец испорченный после первой приватизации моральный климат в обществе, цинизм, апатия, растерянность, ощущение всеобщей обманутости, охватившие страну, получат в случае второй бесплатной приватизации новый источник общественного недовольства, от которого никто не знает, сколько десятилетий России потом придется приходить в себя?

Второй вопрос. То, что в 90-х годах и вплоть до настоящего времени традиционная основа доходной части бюджета стран – рента на природные ресурсы и акцизы на спиртное – были в основной своей части переданы различным легальным и нелегальным частным структурам, это, как говорится, медицинский факт, всерьез оспаривать который сегодня не решится, наверное, никто. Дискуссия идет лишь о том, в какой пропорции эти доходы делятся между обществом в целом и новыми собственниками (они же «олигархи»): в отношении 15:85 в пользу последних, или 40:60, или 50:50. И даже самые крайние защитники сложившегося положения признают, что уж по крайней мере рента с наиболее благоприятных по условиям добычи месторождений целиком минует бюджет. И даже официально сегодня принято считать, что «левый», подпольный оборот спиртного в стране составляет не менее половины всего оборота.

На подобном фоне особенно лицемерными выглядят все стоны и причитания об отсутствии денег в казне, о необходимости резкого сокращения расходной части бюджета, о невозможности отыскать средства для решения таких жизненно важных задач, как поддержание устойчивой, спокойной социальной обстановки в стране, как сохранение на должном уровне ее обороноспособности и модернизация ее вооруженных сил, как неизбежное, если страна думает о дальнейшей своей судьбе, субсидирование ее северных и восточных регионов, а также ряда важнейших отраслей экономики (в частности, сельского

хозяйства), как возрождения ее науки, образования, здравоохранения, культуры, и т.д. Вопреки распространенным ныне утверждениям, убежден: за исключением административных расходов (а это, конечно, существенная, но отнюдь не главная статья бюджета), любые серьезные сокращения его расходной части сегодня неоправданны и неприемлемы. Досокращались уже до предела, за которым маячит угроза самых серьезных социальных и политических осложнений, когда, возможно, придется уже думать вообще о национальном самосохранении. А недоиспользуемых, но потенциально весьма значительных источников пополнения доходной части бюджета страны остается по существу только три: природная рента, акцизы и продолжающийся отток частных капиталов и доходов за рубеж. По некоторым оценкам, размеры только недополучаемой сегодня государством природной ренты равны примерно 3/4 всех ежегодных бюджетных доходов страны.

Вопрос этот огромной политической важности, соотношения политических и финансовых сил в стране, решимости или, напротив, нерешимости верхних эшелонов исполнительной, законодательной и судебной власти пойти на какие-то резкие шаги, чтобы выправить сложившееся сегодня почти абсурдное положение: добро бы хоть эти отбираемые внаглую у общества средства оставались в стране, но ведь они в своей значительной (если не основной) части все эти годы оседали и продолжают оседать, условно говоря, на Виргинских островах. Конечно, можно будет понять (но не оправдать!) верховную власть, если она так и не решится на то, чтобы через изменения в налоговой системе, а также путем чисто административного давления остановить это хроническое кровотечение в российском экономическом организме. Слишком сильным, вероятно, будет сопротивление соответствующих частных структур, уже привыкших распоряжаться общественным достоянием как своим собственным.

Но можно и предположить, что при надлежавшей принципиальности и настойчивости есть все же шансы достичь в этой важнейшей области какого-то стратегического компромисса, устраивающего обе стороны – и общество, и олигархов. Ни в одной процветающей стране мира доход от общественного достояния не делится сегодня в такой немислимой пропорции между обществом и отдельными его, пусть и предприимчивыми, представителями. В конце концов наши нефтяные, газовые,

металлургические, спиртовые и прочие бароны и короли вот уже более двенадцати лет в полную меру пользуются этим экстраординарным источником обогащения. Как говорится, пора и честь знать. «Делиться надо!» – помнится, воскликнул как-то всерьез один наш бывший министр финансов. Похоже, время как раз подошло, чтобы начать воплощать в жизнь эту достаточно тривиальную, но весьма многообещающую мысль.

Вопрос третий. Российское общество должно наконец решить для себя фундаментальнейший вопрос нашего настоящего и нашего будущего: нужно ли нам, и можем ли мы позволить себе иметь в стране полностью европейскую систему цен на все товары и услуги, в особенности на электричество, нефть и газ, железнодорожные тарифы, жилищно-коммунальное хозяйство, и пр. Причем речь идет, конечно, не о межценовых пропорциях, а об абсолютном уровне соответствующих цен. В настоящее время электричество у нас в 10 раз дешевле, чем в большинстве стран Европы, газоснабжение – в 6 раз, бензин – в 3-4 раза, железнодорожные тарифы на одинаковые расстояния – тоже примерно на столько же, и т.д.

Между тем, давление в сторону резкого повышения внутренних наших цен на этот круг товаров и услуг сегодня заметно усиливается. И не только изнутри, от наших олигархов, но и, что особенно болезненно, извне, в первую очередь от наших партнеров по Евросоюзу. У последних аргумент по существу один: такой уровень внутренних цен – это «нечестная» конкуренция, скрытое государственное субсидирование отечественных российских производителей и экспортеров. При этом без малейших утрызений совести за пределами дискуссии без ответа остается вопрос: почему для Евросоюза, где, например, действующая цена на бензин находится на уровне 1,0 – 1,2 доллара за литр, внутренняя цена на бензин в США порядка 40 центов есть «честная» конкуренция, а 30-35 центов за литр в России – это «нечестная» конкуренция? Почему внутренняя цена на электричество в Норвегии, в 3-4 раза ниже соответствующей цены, скажем, в Италии или в Германии, есть «честная» игра, а российская цена – это «нечестная» игра? И почему примерно 60 млрд. долл. нынешних ежегодных субсидий в странах ОЭСР на поддержку энергосектора (что, между прочим, почти равно всему российскому бюджету) есть вполне естественный и законный

рыночный феномен, а природные, что называется, Богом данные преимущества России в производстве энергоресурсов есть нечто неестественное и незаконное?

Любому здравомыслящему человеку ясно, что европейский тариф на электричество в очень быстром времени погубит в России хорошо если не все энергоинтенсивные отрасли промышленности. Ясно также и то, что по европейской цене на газ мы не сможем «протопить» в условиях сурового российского климата более чем две трети страны. Европейская цена на бензин полностью парализует наши автомагистрали. Европейские энерготарифы, если они будут введены, разрушат наше жилищно-коммунальное хозяйство и остановят транспорт на электрической тяге. Не может существовать наша страна на уровне европейских железнодорожных тарифов: по европейской цене от Москвы до Владивостока ни пассажиры, ни грузы дальше бы Каширы не уехали.

Не надо обладать большим воображением, чтобы понять, что европейский уровень энергетических и железнодорожных тарифов очень скоро чисто экономическими мерами дал бы именно тот политический (и геополитический) результат, о котором вслух мечтает З. Бжезинский – распад страны на три, пять или даже более самостоятельных «княжеств» и полное исчезновение России как таковой с географической карты.

Вопрос четвертый. Нам нельзя и дальше иметь «экономику недоверия», экономику без кредита. Не бывает и не было никогда в человеческой истории здоровой экономики без кредита. За счет только своих средств никто в мире не жил и не живет, все к своим средствам еще так или иначе привлекают заемные.

В России же кредит – это до сих пор в основном спекулятивные вложения. В инвестициях российских компаний и предприятий соотношение собственных средств и привлеченных кредитов составляет сегодня примерно 12:1, в то время как в развитых странах оно близко к обратному. В активах российских банков кредиты на срок более одного года до сих пор не превышают 3-4%. В наших условиях для того, чтобы получить нормальный инвестиционный кредит на 3-5 лет, надо быть либо воистину гениальным, либо сверхвлиятельным человеком, включая и все мыслимые методы неформального влияния. Никак пока не компенсирует этот коренной порок российской экономики и фондовая биржа: вплоть до сегодняшнего дня ее функции в основном тоже

спекулятивные, она не стала инструментом существенной мобилизации национальных капиталов и всерьез обслуживает пока интересы вряд ли больше 25-30 наиболее крупных или наиболее разрекламированных компаний.

Причина сложившегося положения – прежде всего именно в недоверии. Ни государству, ни частным банкам, ни вообще рублю как таковому население и инвесторы не верят. Это естественная расплата за тотальные конфискации сбережений и населения, и предприятий, и портфельных инвесторов в 1992 и 1998 г.г. Только тогда – и не раньше – можно будет поверить, что наша экономика выздоравливает, что мы превращаемся в нормальную страну с нормальной рыночной экономикой, когда население достанет накопленные деньги из-под «матрацев» и понесет их либо в банк, либо на фондовую биржу. А по появившимся в последнее время оценкам, таких спрятанных «под матрац» сбережений в России накопилось сегодня от 80 до 160 млрд. долл.

К сожалению, значение этой проблемы у нас пока плохо понимается, в особенности в верхних эшелонах власти. Да и российское банковское сообщество заняло по данному вопросу весьма близорукую, если не сказать откровенно обструкционистскую позицию. Около десяти лет, например, шли споры вокруг закона о гарантиях банковских вкладов. Наконец, кажется, принят проект закона, который дает гарантию полного возврата только 20 тыс. рублей (менее 700 долларов). Рядовому вкладчику (а он и есть потенциально главный инвестор в стране), собирающему деньги, скажем, на квартиру, в случае очередного обвала хватит этих «гарантий» разве что на похороны. И вполне можно ожидать, что закон в таком его виде может дать даже обратный планируемому эффект, т.е. еще более усилит климат «всеобщего недоверия» в стране: раз власти и банковское сообщество не желают принимать на себя обязательства свыше означенной мизерной суммы – значит, они опять задумали в перспективе что-то недоброе, вроде испробованных уже не раз прошлых конфискаций.

Уверен, самая важная задача нашего руководства сейчас – всеми возможными мерами восстановить подорванное доверие людей и к себе, т.е. правительству страны, и к финансово-кредитной системе, и к рублю как платежному средству. А по-другому говоря, главная социальная проблема сегодня с точки зрения развития – это

восстановить доверие вообще к жизни. Одними частными силами эту проблему, естественно, не решить, тем более, что она имеет не только экономический, но, может быть, еще в большей мере политический характер.

При всей кажущейся простоте подобного шага, руководству страны, видимо, необходимо набраться мужества и не только открыто признать ошибочность, вредоносность конфискаций 1992 и 1998г., но и дать соответствующие заверения (или принять в парламенте соответствующий закон) о недопустимости ничего подобного в будущем. Думается, было бы также правильно, если уровень гарантий по банковским вкладам был бы существенно повышен относительно предполагаемого сегодня, и повышен именно за счет государственных обязательств, поскольку надежда на частные банки не только по субъективным, но еще более по объективным причинам здесь весьма слаба. И, наконец, настало время, видимо, отказаться от иллюзий, что развитие банковской системы в стране – дело исключительно самой банковской системы. Без прямого участия государственных денег создание и развитие эффективной трехэтажной банковской системы (Центробанк – универсальные коммерческие банки – инвестиционные банки и учреждения) ни сегодня, ни в более или менее близком будущем физически невозможно.

Это не вопрос идеологии или теоретических предпочтений. Это вопрос реальности, вопрос обыкновенного здравого смысла. Одним словом, без восстановления доверия населения к государству и банковским институтам, без укрепления самой банковской системы создание автоматически действующего механизма для перевода внутренних сбережений в инвестиции нереально.

Вопрос пятый. На словах руководство страны, кажется, постепенно осознает, что впереди перед Россией вырисовывается весьма реальная перспектива через десятилетие-другое (вряд ли позже) превратиться в мировое интеллектуальное и технологическое захолустье. За прошедшие 10-12 лет, по ряду оценок, до 2/3 научно-исследовательского потенциала страны было либо полностью, либо почти полностью разрушено. Лучшая и, имея в виду прежде всего младшее и среднее поколение, наиболее перспективная часть исследователей эмигрировала за рубеж или перешла в другие сферы деятельности, преимущественно в бизнес. Расходы на фундаментальную науку, НИОКР и образование были

преднамеренно и целенаправленно сокращены более чем на порядок. Во многих областях научно-технического прогресса прежние лидирующие позиции страны утрачены, похоже, уже безвозвратно, во многих других ее возможности находятся, что называется, при последнем издыхании. И даже если уже сегодня будет предпринято что-то радикальное для исправления сложившегося положения, вряд ли можно теперь ожидать каких-то ощутимых благоприятных изменений раньше, чем через два-три поколения.

Эту печальнейшую для страны ситуацию при непредвзятом взгляде на вещи невозможно оправдать никакими объективными причинами. Корни катастрофы уходят в откровенно безответственную политику российского руководства начала-середины 90-х годов. Все, например, помнят, что в то время разнообразнейшие таможенные льготы (т.е. прямые государственные субсидии), предоставленные Фонду спорта, афганским ветеранам и ряду других похожих организаций, составляли порядка 5-6 млрд. долл. в год. Многие получатели этих льгот (субсидий) кончили потом, как известно, на Котляковском кладбище. В то же время на всю науку тогда из бюджета выделялось ежегодно всего порядка 200-250 млн. долл. Но, когда закон об отмене этих льгот был поставлен в Думе на голосование, за него проголосовало только 6 депутатов из 450! Более наглядного примера, в какой морально-нравственной обстановке проводились тогда российские реформы, трудно, наверное, себе и представить. К сожалению, подобное же отношение к науке и образованию среди российской бюрократии сохранилось до сих пор. Убежден, основных мотивов продолжающегося наступления на науку было и остается в основном два: крупный и пока еще недоделанный массив общенародной собственности, закрепленной за наукой и образованием, и такой «внеэкономический», но весьма сильнодействующий фактор, как «геростратова» зависть недоучек, по той или иной причине попавших во власть.

Интересно, каким образом руководство страны собирается перестраивать российскую экономику из преимущественно примитивно-сырьевой в «экономику знаний» и форсированно развивать высокотехнологичные отрасли, если собственная база для такого развития во многом разрушена и продолжает разрушаться? Не думаю, что в перспективе ближайших десятилетий нам удастся приблизиться к

вождеденному американскому соотношению расходов на науку между государственными и частными источниками финансирования в пропорции примерно 50:50. Российский бизнес пока слишком еще анархичен, своекорыстен и слаб, и вряд ли было бы реалистично надеяться на то, что удастся пробудить в первом поколении наших бизнесменов должное чувство социальной ответственности. Государство же и сегодня продолжает на деле отказываться от выполнения даже закрепленной в Конституции нормы в 4% расходов на науку от всех бюджетных расходов, обещая приблизиться к ней лишь где-то в следующем десятилетии.

Все это выглядит так, что допустив бегство из страны многих сотен миллиардов долларов, передав традиционные доходы бюджета в сугубо частные руки, отказавшись раньше времени от умеренного, традиционного почти для всех государств мира бюджетного дефицита, выведя многомиллиардные валютные резервы страны из внутреннего оборота и разместив их за рубежом и т.д. и т.п., наше государство все больше и больше экономит сегодня, что называется, «на спичках». Но нельзя не видеть, что это как раз именно такие «спички», от которых напрямую зависят и нынешнее положение страны, и ее будущее.

Вопрос шестой. Отнюдь не считая себя специалистом в аграрной проблематике со всеми ее невероятными теоретическими и практическими сложностями, решусь все же утверждать, что страна донине не имеет никакого даже приблизительного плана обустройства и переустройства сельского хозяйства. То, что российская деревня в массе своей вымирает (за исключением, пожалуй, только особо плодородных регионов), что запустение охватывает все новые и новые некогда вполне продуктивные земли, что материально-техническая база и инфраструктура села разрушаются, а поголовье скота неуклонно сокращается, что при нынешнем уровне производительности труда наш аграрно-промышленный комплекс без прямой государственной поддержки не выдерживает даже простейшей иностранной конкуренции – все это сегодня видят и знают все. Но что дальше? Боясь, на этот вопрос внятного ответа сейчас не знает никто – ни левые, ни правые, ни центристы.

Не видно пока и какого-то объединяющего вектора в разнонаправленных движениях верховной власти. Отрадно, к примеру, что принят на бумаге закон об обороте сельхозземель и постепенном

формировании земельного рынка. Кажется, понемногу стихает даже привычная демагогия, что всю землю в России по дешевке скупают иностранцы, что плодородные поля и луга скоро превратятся в охотничьи угодья, помещичьи усадьбы, гольф клубы, ипподромы, и пр.: дальше пригородной зоны что-то не видно пока никаких – ни наших, ни иностранных – особых охотников покупать землю, причем ни за наличные, ни в кредит. Но одновременно верховная власть придерживается линии, которую иначе как антиаграрной и не назовешь: резко ограничивает трудовую миграцию в Россию, в том числе и тех, кто согласен заселять опустевшие аграрные районы, не только сохраняет, но и усиливает разрушительный ценовой диспаритет между продукцией села и тем необходимым, что нужно селу для нормальной работы, не предпринимает никаких серьезных усилий для кредитной поддержки сельских производителей, не поощряет развитие сельской кооперации (разумеется, не на советских, а на «чаяновских» принципах), и т.д.

Конечно, особо крепкие, особо удачливые крупные хозяйства, находящиеся в благоприятных природно-климатических условиях, выживут при любых обстоятельствах, независимо от того, какой будет их нынешняя или будущая внутренняя организация – агрохолдинги, агрокомбинаты или фирмы, коллективные хозяйства, всякого рода ТОО, и пр. Но, похоже, есть основания и у тех, кто сегодня утверждает, что магистральный путь дальнейшего развития российской деревни – это даже не фермерство в привычном понимании этого слова, а в основном то экономически уродливое, но оказавшееся невероятно живучим (и продуктивным) чисто российское аграрное образование, каким являются мелкие приусадебные хозяйства, садово-огородные участки, дачные наделы, и пр. Так или иначе, но именно этот сектор дает сегодня 40–50% сельхозпродукции страны. Разумеется, это невеселая перспектива. Но и с ней приходится считаться, когда мы пытаемся заглянуть на поколение-два вперед.

Вопрос седьмой. Разлад между словом и делом продолжает сохраняться и еще в одной важнейшей (может быть даже самой важной) сфере экономической политики – отношении государства к малому и среднему предпринимательству. Российские реформаторы начали, что называется, строить дом не с фундамента, а с крыши, выдвинув во

главу угла задачу приватизации тяжелой и вообще крупной промышленности и отложив на неопределенное время задачу активизации глубинных, творческих сил российского общества.

И дело здесь не только в том, что провозглашенные декларации и принятые в последнее время разнообразные постановления не дают должного эффекта. Действительно, вопреки всему, налоговый пресс на малый и средний сектор в реальности пока лишь усиливается и не дает возможности выйти ему «из тени». Административные сложности при регистрации и лицензировании нового дела становятся все более труднопреодолимыми: еще десять лет назад средний срок для его открытия укладывался в три месяца, сейчас на это нужно истратить год. «Одно окно» для соответствующих документов как было, так и осталось недостижимой целью. Произвол, многочисленные бюрократические и правоохранительные проверки и поборы возрастают. Целенаправленной льготной кредитной поддержки малого и среднего бизнеса фактически нет, как и прежде. Государственный рэкет и коррупция если и потеснили несколько криминальный контроль, то для самих бизнесменов жизнь ни в какой мере от этого легче не стала. Государство на всех его уровнях продолжает активную войну с такими проявлениями предпринимательской активности населения, как мелкая торговля, ремесло, рынок, многомиллионная армия «челноков» и т.д. В этих условиях надо действительно быть «семи пядей о лбу» или обладать исключительной изворотливостью, чтобы открыть и сохранить свое даже небольшое дело. А таких людей у нас, естественно, немного. Предпринимательские способности и вообще-то в мире имеют 5-6% населения, а у нас к тому же, не надо забывать, этот слой всячески вытаптывали почти весь прошлый век.

Но еще большим препятствием для пробуждения творческой энергии российского общества является, думаю, упорно сохраняемый с советских времен менталитет нашего политического класса с его преувеличенным вниманием ко всему гигантскому и пренебрежением ко всему малому, тем более индивидуальному. Если в передовых странах мира малый и средний бизнес создает 60-80% ВВП, то у нас на него приходится не более 10% произведенных товаров и услуг, а число малых предприятий (в десять примерно раз относительно меньшее, чем, скажем, в США) продолжает лишь сокращаться. И простая мысль, что главным работодателем,

рыночным субъектом, создателем конкурентной среды и источником научно-технического прогресса во всем мире был и остается малый и средний бизнес, у нас так и не стала до сих пор основой национальной экономической стратегии.

Вопрос восьмой. В принципе, наверное, можно предположить, что со временем, с образованием единого европейского экономического пространства и дальнейшим открытием экономики страны структура внутренних цен в России будет во многом (а не только по ценам в московских бутиках и ресторанах) похожа на что-то усредненно общеевропейское, оно же мировое. Но при одном и непеременившем условии: цена главного рыночного товара – труда, рабочей силы – должна быть тоже более или менее близка к уровню, характерному для ведущих промышленных стран. Сегодня именно это и есть главная ценовая диспропорция в экономике России: за аналогичный по интенсивности и уровню квалификации труд наемный работник в России вот уже 4 поколения подряд получает зарплату в десятки, а во многих сферах и в сотни раз меньшую, чем повсюду в индустриальном мире. И если в ВВП развитых стран доля заработной платы находится сейчас на уровне 70–75%, то у нас она замерла где-то у отметки 30%.

Мало того, что подобное положение оказывает резко негативное влияние на перспективы экономического роста страны. Именно оно в первую очередь объясняет сложившийся в экономике порочный круг «низкий платежеспособный спрос – низкое предложение – низкий платежеспособный спрос». И именно оно парализует творческие, созидательные силы российского человека и, значит, его конкурентоспособность как работника. Это положение исключительно опасно еще и с точки зрения социально-политической стабильности общества, особенно если иметь в виду неуклонно углубляющийся в последние годы разрыв в доходах между преуспевающей и беднейшей его частью. Как известно, за критерий социальной безопасности (отсутствие революций, всеобщих забастовок, массовых протестных движений, и пр.) в индустриальном мире принято соотношение доходов между низшими и высшими по доходам десятью процентами населения на уровне 1:5–6. У нас же оно, по ряду официальных оценок, достигает 1:14, а неофициальных 1:60. Порог социальной безопасности в стране, таким образом, пройден, и никто, думаю, не возьмется сегодня

предсказать, что может придти в недалеком будущем на смену нынешней всеобщей социальной апатии ее населения.

Дело отнюдь не в низкой производительности труда российского работника, как утверждают некоторые: напротив, на 1 доллар своей зарплаты он производит в 3 раза больше вновь созданной стоимости, чем, например, работник в США. Дело прежде всего в вопиющей несправедливости и, как следствие, неэффективности производственных отношений, сложившихся в России в XX веке. Уже сейчас российская экономика, несомненно, выдержала бы, если в законодательном порядке в стране был бы установлен обязательный, законом гарантированный минимум зарплаты на уровне, скажем, 1,5–2 долларов в час. Конечно, подобный минимум в какой-то мере отразился бы и на инфляции. Но емкость внутреннего рынка он увеличил бы раза в 3–4. И это был бы не экзогенный (внешний), а внутренний, органически встроенный в российский экономический механизм источник роста, т.е. то, чего Россия пока так и не сумела обеспечить за весь период реформ.

Вопрос девятый. Думаю, не менее опасна для стабильности российского общества и поспешность в проведении так называемых социальных реформ. Перевод на чисто коммерческую основу жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения вообще сомнителен как принцип. Недаром в большинстве развитых стран в их политике и социальном устройстве все более утверждается сегодня идеология «рыночной экономике – да, рыночному обществу – нет». По крайней мере строительство основной части инфраструктуры ЖКХ практически везде сегодня финансируется не из квартплаты, а из централизованных и местных налоговых поступлений, в расходах на образование доля государства и разного рода общественных фондов даже в США достигает 75%, медицинское страхование для работающих, а также для отработавших свое пенсионеров гарантируется автоматически, стабильность основной части пенсий тоже гарантируется, и т.д.

В наших же конкретных условиях переход сегодня социальной сферы на самокупаемость и вовсе выглядит пока авантюрой. Коммерческая цена жилья и коммунальных услуг для подавляющего большинства российского населения просто неподъемна, а потому нереальна, если мы хотим избежать излишней социальной напряженности в обществе. Тем

более, что, по ряду оценок, граждане в России уже сейчас оплачивают жилье на 100%, поскольку половину реальных расходов на ЖКХ составляют расходы на инфраструктуру, а их они уже сполна оплатили через налоговую систему. При нынешних доходах не более 13-15% российского населения могут позволить себе платное образование, а платную медицину – и вовсе только 5%. Вполне понятное недоверие людей вызывают и планы перехода на накопительную пенсионную систему, поскольку пока никакой страховки от инфляции в этих планах реально не предусматривается.

Во всяком случае ясно одно: торопиться с подобными социальными реформами в России не следует. Если же страна все-таки будет (вопреки общемировым тенденциям) переходить на преимущественно коммерческий принцип в своей социальной организации, этот переход должен быть напрямую увязан с возможностями резкого повышения доходов всего населения. Иначе в недалеком будущем, судя даже по начальной реакции российского общества на подобные планы, нас ждут весьма крупные неприятности.

Вопрос десятый – последний по счету, но отнюдь не по важности. Вряд ли сегодня будет кто-либо возражать, что процесс постепенного «открытия» российской экономики, выхода России из длительной изоляции и активного включения ее в мировую экономическую жизнь есть в принципе благо для страны. насыщение внутреннего рынка, импорт высокотехнологического оборудования, привыкание российских предприятий к жестким условиям международной конкуренции, переход на более высокие технические и другие стандарты, наконец, пусть и скромный пока, но уже ощутимый приток иностранного капитала – все это положительные эффекты «открытости». Исторически оправданной в условиях нарастающей и неотвратимой глобализации является, несомненно, и цель вхождения России во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) в качестве полноправного ее члена со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями.

Но и здесь тоже нужен дозированный и осторожный подход. Готовы ли мы к такому присоединению, тем более в ускоренном темпе? И есть ли у нас сегодня достаточно ясное представление о, так сказать, «балансе прибылей и убытков» для страны от этого присоединения? Не лишним будет, наверное, сослаться на опыт того же Китая, который

потратил почти двадцать лет на подготовку к присоединению к ВТО, добившись в ходе этой подготовки главного: массивированного проникновения и закрепления на рынках США и других развитых стран продукции своей обрабатывающей (в том числе высокотехнологичной) промышленности. Обеспечив огромный и устойчивый актив торгового баланса и массовый приток иностранного капитала (за один только год превышающий все, что удалось России привлечь за последние 12 лет), Китай теперь вполне может позволить себе такую роскошь, как уступить иностранным конкурентам какую-то часть своего внутреннего рынка в качестве своеобразной платы за укрепление своих внешнеэкономических позиций во всем мире.

Сегодня все профессиональные оценки сходятся фактически на том, что ежегодная наша выгода от присоединения к ВТО сводится примерно к 3 млрд. долл. по экспорту. Что мы потеряем по импорту, если это присоединение задушит, к примеру, нашу авиационную и автомобильную промышленность, многие наши потребительские отрасли, банковскую и страховую сферу, и т.д. – этого еще никто не посчитал. Между тем, в западной печати появляются и оценки, что в случае присоединения к ВТО свыше 90% нашей обрабатывающей (не добывающей!) промышленности просто «ляжет». А если к этой угрозе прибавить еще и такие разрушительные требования ВТО к нашей стране, продиктованные откровенной политикой «двойных стандартов», как, скажем, сведение к минимуму государственной поддержки сельского хозяйства или требование о выравнивании внутренних цен на электричество и газ (а, следовательно, и на многое другое) с европейскими ценами – картина и вовсе становится далеко не радужной.

В то же время нельзя не видеть, что развернувшаяся сегодня дискуссия вокруг присоединения к ВТО неоправданно отвлекает внимание общественного мнения на вопрос, который по значению, на самом деле, является далеко не первым с точки зрения не только текущих, но и перспективных интересов страны. Параллельно существует тяжелейшая по своим последствиям для российской экономики проблема беспрецедентной «утечки» капитала из страны (если, конечно, не исходить, как это делают некоторые правительственные советники, из абсурдного принципа «чем меньше в стране денег, тем лучше»). Этот хронический «дренаж» колеблется все последние 12 лет вокруг уровня в 20 млрд. долл. в

год. Таким образом, соотношение по значимости проблемы присоединения к ВТО и проблемы «утечки» капитала из России составляет 1:7-8. Как остановить этот «дренаж» и какие нужны меры, чтобы стимулировать в сколько-нибудь серьезных масштабах возврат в страну эмигрировавших капиталов – вот вопрос сегодня действительно первостепенной важности, на который тоже пока внятного ответа нет.

России пора наконец перестать финансировать мир. На Западе принято считать, что все последние 12 лет именно западные страны финансируют Россию. На самом же деле, испытывая собственную острейшую нужду в инвестициях, наша ослабленная затянувшимся кризисом экономика все эти годы финансировала и продолжает финансировать намного более успешную западную экономику за счет легальной и нелегальной «утечки» отечественного капитала. И пока приток капитала в Россию не будет устойчиво превышать отток капитала из нее, говорить об экономическом выздоровлении страны было бы, несомненно, преждевременно. В этой связи несколько обнадеживает, конечно, тот факт, что в первом квартале 2003 г. такое превышение впервые наметилось.

В своем ежегодном послании (май 2003 г.) Президент страны выдвинул цель удвоения за 10 лет ее ВВП. Цель, бесспорно, вдохновляющая и, возможно, даже достижимая. Если, конечно, России повезет и с внешними условиями, и с внутренними обстоятельствами ее развития в обозначенной Президентом перспективе. Следует только учитывать, что никакого одного-единственного магического средства для экономического подъема страны не существует. Действовать необходимо по всему фронту. Рынок – да, конечно, рынок. Но и государства нам нужно не меньше, а, напротив, больше, чем сегодня. Только нужно именно там, где без него действительно никак не обойтись.

Сегодня расходы российского «расширенного правительства» (государства) равны примерно 34-36% ВВП страны, в то время как в среднем по странам ОЭСР они составляют около 50 ВВП. Учитывая нынешнее состояние российской экономики и социальной сферы, вряд ли подобным «достижением» следует гордиться. Очевидно, что в своем «рыночном рвении» мы уже, что называется, перехлестнули через край. Пора бы и остановиться, а еще лучше – подать немного назад.